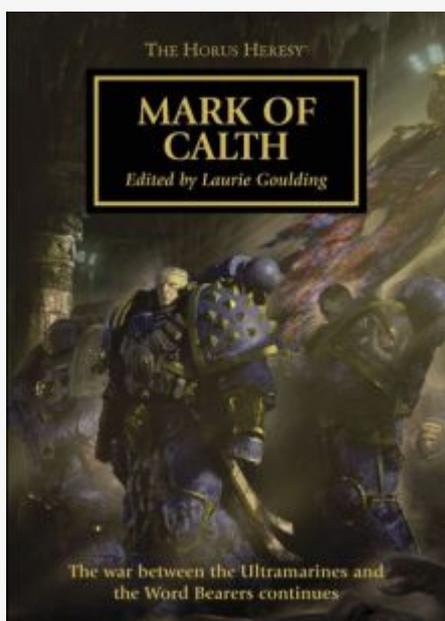

Подземная Война / The Underworld War (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Подземная Война / The Underworld War (рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Отметка Калта / Mark of Calth
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Предполагается, что мы не ведаем страха.

Это не просто слова. Не ведасть страха – основа биоалхимической тайны, которая странствует по незримым нитям наших генов. Мы рождены, чтобы сражаться и умирать, никогда не познав страха.

Мы понимаем его. Терпим. Подчиняем себе.

Однако мы никогда не страдаем от него, и потому не знаем его подлинного вкуса. Страх – не более чем биологическая реакция, физиологический курьез, поражающий низших существ интеллектуальным расстройством различной степени тяжести.

Это всего лишь первый шаг. Сначала необходимо не ведать страха. Затем следует отважная убежденность: посвящение жизни абсолютной чистоте цели. Возвыситься в ряды Легионес Астартес означает, что необходимо отбросить все остальное. Твоя семья мертва. Твоя молодость несущественна. По меркам галактики ты никогда не родился. Ты избавляешься от остаточных притязаний на человечность.

Один воин – ничто. Легион – все.

Ты должен жить по этому принципу. Должен быть воплощением этих слов и гарантировать, что каждый вдох посвящен их претворению в жизнь.

Став космическим десантником, ты больше не человек. Ты – легионер, тот, кто преодолел пределы людских забот и вышел в генетическую чистоту трансчеловечности. Ты облачен в цвета своего Легиона, носишь символ своего Легиона и служишь повелителю своего Легиона. Ты держишь оружие, выкованное в пламени литейных твоего Легиона. Твоя жизнь, дыхание и пот – культура твоего Легиона, принесенная с родного мира Легиона и проявляющаяся в традициях и ритуалах Легиона.

Над легионером – отделение – стая, коготь, звено, ячейка. Над отделением – только Легион. В этом сила. В этом долг.

Долг должен притупить все прочие чувства. Легионы – это оружие, не более того: воины, созданные для войны, в точности как орало, переплавленное на меч. Мечи не ведают страха и не имеют чувств. Они не тоскуют по дням, когда чертили землю на мирных полях, и не ломаются еще до первого удара. Так же дело обстоит с Легионами и бывшими людьми, из которых состоят их ряды.

Однако человеческий разум – не чистый лист. Даже если взять сознание ребенка – до того, как реалии жизни научат его принимать решения, идти на компромиссы и знать свои пределы – холст разума уже окрашен множеством знаний. Мы – не бездумные орудия, а разрыв с человечеством не означает, что мы полностью бесчеловечны. Человечность – наша основа, та черта, на которой ведется строительство. В этом и заключена идеальная мощь облика и функциональности легионера. Несмотря на все свое невежество, Император сделал так много правильного. Мы – оружие, в котором человечество нуждалось, чтобы притязать на звезды. Не люди и не не-люди, а нечто за пределами и того и другого. Транс-люди, или даже пост-люди, как говорят некоторые писатели. Быть может, ближе к истине будет «бывшие люди».

Как бы то ни было, как и у всего, к чему прикасаются люди, процесс не лишен изъянов. Некоторые разумы выдерживают вознесение от мальчика до легионера, и есть то, что врезано слишком глубоко, чтобы соскоблить его при создании души идеального солдата. Порой внутри воина остается слишком много от человека. Такие несчастны и дефектны, это мякина, опадающая с пшеницы. Несовершенные шестеренки в идеальной военной машине.

Большинство не протягивает достаточно долго, чтобы вообще облачиться в керамику, не говоря уж о том, чтобы маршировать под знаменами Имперума. Легионы – жестокие фабрики плоти, и их испытания выбраковывают слабых из числа сильных. Чтобы быть Легионес Астартес, ты должен не

ведать страха и вести жизнь, исполненную абсолютного долга во имя высшего идеала.

Возможно, в будущем процесс как-то улучшится или изменится, исчезнет глубинная человечность, которая составляет нашу основу. Если такое произойдет, я не стану завидовать тем приниженным поколениям, что последуют за нами.

На данный момент не существует надежного способа убить человеческий дух в сердце каждого воина. Подобное пожелает только глупец.

Однако я не уверен, что со мной согласятся повелители всех Легионов.

- рукописный трактат неизвестного автора

Исчерпав боеприпасы и запас везения, Кауртал понял, что наконец добрался до безопасного места, когда увидел огонь.

Свет скромного костерка из обломков выхватывал силуэты живых и мертвых, которые отбрасывали тени на стены пещеры. Люди были сгорбленными и костлявыми, исхудавшими из-за плохого питания, согнутыми ранами и усталостью. Прежде чем они успели добраться до туннелей, большинство подверглись губительному воздействию радиационных ожогов и носили Отметку Калта, начертанную страданием на разрушающейся плоти. Их тени были безучастными марионетками, которые заторможено и неуклюже плясали на каменных стенах.

В облике самого Кауртала - громадного воина в шлеме, увенчанном двумя рогами - присутствовало суровое и мрачное величие, которого лично он больше не чувствовал. На теневом воплощении не было видно повреждений доспеха и усталости, которая пронизывала тело до самых костей.

Соединительные разъемы вдоль позвоночника представляли собой пораженные болью скважины, вопиющие о необходимости ухода за ними. Такие же гнезда на плечах и груди, где доспех подключался к генетически усовершенствованному телу, были дырками в плоти, которые болезненно растягивались при каждом движении.

Кауртал точно знал, сколько времени провел здесь. Знал, хотя жил в мире, где не было дня и ночи, поскольку рунический дисплей глазных линз отслеживал каждый час, каждую минуту и каждую секунду, проведенные им в этом мраке.

Он утратил собственный болтер шесть лет двести сорок дней тому назад. С тех пор он носил тринадцать других болтеров, забирая оружие у павших и неизбежно теряя его вновь в моменты наиболее жестоких схваток.

Несколько секунд он наблюдал за игрой теней, скользящих по древнему камню. На стене пещеры, насмехаясь над ним, мерцало его собственное изображение. Крылатое. Рогатое. То, что видели его враги. То, что они видели почти семь лет.

- Повелитель, - взывала к нему группа покрытых струпьями, окровавленных ничтожеств. - Повелитель. Великий повелитель, прошу. Благословите, повелитель.

Невероятно. Отчаяние заставляло их верить, будто ему есть дело до их жизней.

Кауртал игнорировал всех, направляясь к громоздкой фигуре в дальней части пещеры. Перед ним

разбегалось все больше отбросов и выживших, и их тени плясали на стенах с дьявольской быстротой.

Фигура поприветствовала его из темноты, проявив огромное уважение тем, что обратилась первой. Ее глазные линзы были такими же синими, как небо в сезон засухи над Городом Серых Цветов, дома на Колхиде. Она неподвижно стояла, издавая гул работающей брони. На шлеме были клыки, громадные плечи указывали на чудовищную, нечеловеческую силу. Для Кауртала это был просто воин в доспехе катафрактия. Для людей, которые ему прислуживали, это был убийца, сотворенный по образу сгорбленного и давно позабытого божка-примата. Его голос доносился из вокса рычанием, похожим на удар грома на горизонте.

- Джерудай Кауртал, - произнес он. - Ты еще жив.

Кауртал кивнул, и сочленения его собственного доспеха издали гудение.

- Похоже на то.

Терминатор поднял тяжеловесную руку. Возможно, это было приветствие.

- И вот наши пути вновь пересекаются, - сказал он, - на две тысячи четыреста сороковой день.

В том, что Туул помнил точный день, тоже не было ничего удивительного. Они все считали дни. Теперь Несущие Слово приветствовали друг друга подобным образом.

- Ты последний из Извивающейся Руны?

Кауртал не был уверен на этот счет. Он уже несколько недель не видел никого из своего ордена. Если быть точным, пятьдесят один день, а те, кого он обнаружил, были телами, которым предстояло гнить в пещере, во всех прочих отношениях заброшенной.

- Думаю, что это возможно, - согласился он. - Нам нужно поговорить.

Перед тем как ответить, терминатор молчал несколько секунд.

- Ну, так говори.

- Не здесь, - Кауртал указал на рабов.

Двое Несущих Слово двинулись вглубь пещеры, а затем по ведущему из нее туннелю.

- Туул, - обратился он к терминатору. - Как ты их терпишь? Как ночь за ночью выносишь шепот и плач? Их молитвы раздирают мне уши.

Терминатор вышагивал в глубокой тьме, от его тяжеловесной поступи расходился раскатистый гул. Единственным светом был тот, который появился вместе с воинами: холодное как лед, бело-синее сияние глазных линз. Они шли все дальше в безмолвие, нарушая безмятежность звуком шагов сапог по камню и скрежетом сочленений доспехов.

- Разве мы не заслуживаем их почтения? - спросил Туул. Его голос напоминал ученую лавину. - И разве боги не заслуживают поклонения?

Продолжая идти, Кауртал провел рукой в перчатке по неровной скальной стене.

- Боги нас покинули, - сказал он. - Как и Лоргар.

Из клыкастого шлема Туула донесся треск вокса, похожий на проскальзывание шестерни.

- Богохульство, брат? От одного из возвышенных Гал Ворбак?

Во мраке сухо прозвучал смешок Кауртала.

- После бегства Кор Фаэрона прошло более половины десятилетия. Семь лет туннелей, озаряемых ритуальными огнями и дульными вспышками вражеских болтеров. Семь лет вдыхания соленой вони человеческого пота и пряного мускуса сочащихся язв, разрастающихся из радиационных ожогов. Лоргар не вернется за нами, Туул. Он никогда и не собирался возвращаться.

- Солнце до сих пор изливает отраву в пустоту.

- Возможно, поверхность Калта губительна для жизни, однако угасание умирающего светила едва ли представляет угрозу для спасательного флота, защищенного от радиации.

Туул развернулся к нему.

- «Спасательный» - трусливое слово, Джерудай.

- Называй, как хочешь. Да и нужен ли флот нашему владельческому отцу? Он внимает песне варпа. Сплетает и рвет его так же легко, как шелк. Почему бы не рассечь реальность и не придти нам на помощь?

Последовала пауза, пока Туул обдумывал это.

- Ты пил из запястья Благословенного Сына и вкусил божественной крови. Как случилось, что именно ты из всего Легиона приходишь ко мне с подобным кощунством? Что за безумие побуждает тебя явиться в эту священную тьму и изрекать подобную ересь?

- *Говорите истину*, - без улыбки процитировал Кауртал, - *даже если голос дрожит*.

Терминатор двинулся дальше. Кауртал какое-то время молчал, однако он не был самым терпеливым среди тех, кто когда-либо носил красные цвета XVII Легиона.

- Ты замечал, что после этих двух лет даже пустые туннели пахнут кровью?

Туул издал согласное ворчание, но ничего не сказал.

- Твои слуги были разбиты, - утвердительно заявил Кауртал.

- Вчера, - отозвался Туул.

- Тринадцатый сильно вас потрепал.

- Сильнее, чем ты думаешь, - сказал Туул. - Кровь, которую ты чуешь, - моя.

Его боевой доспех находился в таком же плачевном состоянии, как и броня Кауртала - как у каждого из Несущих Слово, которые застряли в мертвом мире пещер-городов. Запах вытекающей жизненной силы мог исходить из любой обугленной пробоины в толстой броне. Терминатор постучал бронированным кулаком по нагруднику, нарушив тишину дробью стального барабана.

- Одно из моих сердец перестало биться. Второе работает с трудом даже сейчас. Возможно, у меня есть еще несколько дней, но совсем мало. Одним богам ведомо, что разорвано у меня внутри.

Наступило очередное продолжительное молчание, а затем вновь заговорил Кауртал.

- Я перемещался по подземному миру. Сражался, когда это было необходимо, но чаще просто наблюдал и выжидал. Изучал.

Туул оглядел его бездушными глазными линзами, ожидая разъяснения. Кауртал вздохнул и дал его.

- Я считал мертвых. Уделял внимание тем, кто теперь лежит бездыханными.

- Пали тысячи Ультрадесантников, - произнес терминатор. В его голосе было столько искренности, что слова становились неоспоримым заявлением. - Возможно, десятки тысяч.

- Я имею в виду не их подсчет, Туул.

Еще одна пауза. Кауртал буквально слышал перешептывание и пощелкивание недовольных размышлений Туула.

- Я иду на поверхность, - наконец сказал Кауртал.

Клыкастый шлем Туула повернулся к Каурталу.

- Выйти на поверхность - значит умереть.

- Для тебя - возможно. Я - Гал Ворбак. Моя кровь - яд. Мое прикосновение разъедает плоть. Я больше года не ел ничего, кроме пепла, - он показал свою перчатку. На красном керамите выступали зубцы и гребни выбеленных костяных наростов, которые также были видны по всей поверхности доспеха. За месяцы во тьме кости становились тверже и пробивались сквозь керамит. Неожиданно, но это сопровождалось лишь тупой пульсацией, не отличавшейся от боли в мышцах после ежедневной тренировки.

Терминатор бесстрастно взглянул на него.

- Думаешь, что демон внутри делает тебя невосприимчивым к излучению большого солнца?

Сложный вопрос. Демон внутри безмолвствовал и был недостижим на протяжении нескольких месяцев. Кауртал уже наполовину убедил себя, что последняя схватка с библиарием Ультрадесанта каким-то образом истощила его - возможно, правильнее было бы сказать: «подвергла экзорцизму», - отделив божественное от плоти. Шавки Императора снова начинали понимать ценность запрещенного библиариума.

- Думаю, довольно скоро увидим.

Крылья Кауртала снова вздрогнули. Плотно прижатые к спине, они являли собой бесполезный плащ из сложенных кожистых перепон, пронизанных толстыми венами.

Он не летал уже несколько месяцев. Немногие из пещер были достаточно просторными для таких вольностей.

- Но почему на поверхность, брат? Что тебя там ждет?

- Мертвые, - ответил Кауртал. - Я намереваюсь выжить. Спасти с Калта, пусть даже окажусь единственным Несущим Слово, кому это удастся. И я запомню тех, кто погиб здесь. Заставлю Легион помнить.

- Они и так помнят. Мы не можем уйти, не выиграв войну.

- Ты обманываешь себя.

Кауртал поднял руку, к керамиту предплечья которой был прикручен и прибит помятый железный медальон в виде звезды.

- Где Резная Звезда? - воин повернул руку, демонстрируя ритуальную гравировку волнистой змеи. - Где Аспиды Священных Песков? - он потянулся к закрепленному на нагруднике изорванному пергаменту, на котором едва виднелся отпечаток красной ладони. - Где Освежеванная Рука? Я скажу тебе, Туул. Резная Звезда мертва. Аспиды Священных Песков мертвы. Освежеванная Рука - трупы на дне ямы. Они погибли в засаде Ультрадесанта, и их черепа косятся вверх, безмолвно смеясь над собственной участью. Сколько нас осталось? Мы ведем голодающих слабаков на войну, у которой есть лишь один финал - Тринадцатый нас уничтожит, а наш собственный Легион об этом не вспомнит.

Говоря, Кауртал повернул наплечник, показав изуродованный символ Извивающейся Руны.

- Сколько орденов тут погибло, Туул? Прошло семь лет. Где твои братья? - он указал на ощерившуюся демоническую морду на наплечнике терминатора. - Где остальные люди Хол Велофа?

Двое Несущих Слово застыли в многозначительном молчании, не говоря больше ни слова. Для Кауртала темная пещера воплощала собой все прочие пещеры, каждую ночь в лишенной света, пахнущей кровью черноте.

Наконец Туул заговорил.

- Джерудай, ты действительно намереваешься бросить Легион?

- Это *они нас* бросили, - ответил Кауртал. - Лоргар не придет. Легион оставил нас умирать. Я иду на поверхность.

- Ты обрекаешь себя на отступничество, - терминатор прорычал команду на колхидском, и из гнезд на тыльной стороне громадных перчаток выдвинулись клинки. - И тебе известно, что я должен убить тебя за одни лишь эти слова, - признался Туул.

Кауртал кивнул.

- Известно, что ты должен попытаться.

Грязные тайны всегда имели свойство быть погребенными глубже всего. После того как Кауртал покинул пещеру Туула запятнанным кровью и еще более помятым, чем до визита, ему потребовался почти месяц, чтобы добраться до поверхности. Путешествие выдалось нелегким. Подземная Война продолжала бушевать, как бушевала почти семь лет: жестокими стычками и рывками, на несколько ночей заполняя пещеры мясорубкой всепоглощающего насилия, а затем затухая, чтобы дать несколько часов передышки.

Кауртал сражался на Исстване V, когда небо чернело от дыма погребальных костров трех разбитых Легионов. Пока ему не пришлось зарыться под поверхность Калта, он искренне полагал, что Исстван был вершиной возможного на войне.

Бросив своих братьев внизу, отступник зашагал на запад. Постоянно на запад, навстречу заходящей дуге отравленного солнца. Раздутая синяя опухоль пятнала собой небо, напоминая раковое образование своим видом и воздействием своего излучения.

Он потел внутри доспеха там, где броня еще не стала кожей. Что же касается тех мест, где плоть срослась с керамитом, он либо не нуждался в потоотделении, либо просто еще не сталкивался с условиями, достаточно негативными для телесной реакции. Порой он кашлял кровью, изрыгая ее из звериной зубастой пасти, в которую превратилась ротовая решетка. Это была не радиация. Всего лишь адаптация тела.

Пока он шел на запад, призраки Калта продолжали сражаться. Они не обращали на него внимания, поскольку являлись лишь воспоминанием, а он был из железа, крови и костей. Несущий Слово слышал их крики и вопли, видел мертвых воинов как вспышки и мерцание на границе зрения. Он слушал, как они ведут войну, уже проигранную обеими сторонами, повторяя собственные роли в день гибели мира.

Когда он не шел, то летел. До Калта его крылья были прекрасны - белые и чистые лебединые крылья. Подземная Война высосала из них здоровье и вынудила сбросить перья, словно осенние листья, ускоряя Преображение по мере того, как демон внутри усиливал влияние на генокод. Лебединые крылья превратились в нечто костистое и покрытое клинками - полосы кожистой плоти с узором молний из толстых вен на гладких перепонках. Несомненно, более сильные. Более полезные. Сильные, но странные. Они пахли животных мускусом и потели кровью. Раскрывать их по ощущениям было все равно что расставлять руки.

Несмотря на вес доспеха, трех взмахов хватало, чтобы оторваться от земли. Он не мог летать долго, поскольку усилие вытягивало всю силу из мускулов, однако, оказавшись на достаточной высоте, был в состоянии планировать час и дольше.

Во время путешествия Кауртал не спал. Эволюция вывела его за эти пределы, даже за более щадящие пределы, полученные при перерождении в виде Легионес Астартеc. Ему больше не нужно было есть, хотя его постоянно терзала жажда. Язык опух от обезвоживания. Глоток своей слюны приносил благословенное, но ложное облегчение. Порой он глотал собственную кровь.

Он странствовал по бесконечным равнинам, с хрустом давя сапогами почерневшую растительную шелуху. Океан несжатых знаков, которые высохли и истлели от жара драконьего дыхания облученного солнца.

На девятый день пути он прошел сквозь грязевую бурю. Солнечная радиация терзала Калт, играла с ним, насмехаясь над метеорологическими картами. Отступник увидел, как горизонт потемнел от приближающегося вихря - приливной волны из земляной пыли и измученной почвы. Кауртал приготовился к шторму, катившемуся с западных гор, хотя все приготовления состояли в том, чтобы плотнее прижать крылья к спине. Инстинкт заставил потянуться и проверить проводящую металлическую полосу магнитного фиксатора, которая прикрепляла болтер к бедру... и воин нащупал лишь разреженный воздух. Кауртал давно потерял свое последнее оружие.

Когда вой ветра достиг пика, а на керамитовую броню обрушился непрерывный обстрел камешками, отступник продолжал тащиться во мраке, ослепленный прахом оскверненного мира. Несущему Слово было нетрудно представить, что планета ненавидит его - как будто дух мира чувствует последнего нечестивца на поверхности и хрипло выпускает последние загрязненные вздохи, чтобы досадить ему. Кауртал знал войну и знал, как умирают воины. Сколько скользнуло в смерть с последним проклятием

на губах? Калт явно не был исключением.

На одиннадцатый день Кауртал добрался до первого могильника. За этим он и вышел на поверхность. Вот почему он находился здесь. Кто-то должен был запомнить.

Могильник не имел ничего общего с чинным порядком деревенских кладбищ с их рядами каменных плит и еще меньше напоминал истертые песком хенджи-менгиры колхидских захоронений. Перепаханную землю толстым слоем покрывали последствия побоища. В нездоровом сиянии гнили корпуса танков, потемневшие от ржавчины и скалящие большие зубы изъеденных коррозией бульдозерных ковшей. Тела мумифицировались в расколотых доспехах, растрескавшихся навстречу иссушающим лучам Веридии.

Кауртал шел среди убитых, выискивая символы, вырезанные, выжженные и высеченные на наплечниках. С каждого трупа в красной броне свирепо глядел окрашенный серым череп. На его устах был закрытый железный замок, не позволяющий сказать ни слова.

Безмолвные. Здесь погибли Безмолвные, уничтоженные контрнаступлением Ультрадесанта. Стало быть, эти погибшие не принадлежали к его ордену. Безмолвные были воителями-мудрецами под стать всем остальным и сковывали свои языки гордыми, очень гордыми обетами молчания. Кауртал уважал их, но имел с ними мало общего.

Среди Несущих Слово лежали сотни ободранных скелетов, облаченных в лохмотья одежды и грязные тряпки. Несомненно, верные последователи Безмолвных. После почти семи лет на порченном солнце от них осталось немногим больше, чем голые остовы, но Кауртал знал, что если бы он наткнулся на этот могильник в часы после боя, то за отвисшими челюстями оказались бы лишённые языков рты - демонстрация того, как Безмолвные ритуально калечили своих связанных клятвой рабов.

Кауртал забрал у непогребенных мертвецов две вещи. Первой стал болтер, покрытый вырезанными метками убийств и пятнами коррозии, но оказавшийся рабочим, когда при тестовом выстреле вогнал заряд в броню застывшего неподалеку «Носорога». Кауртал не чувствовал вины за нарушение тишины на месте побоища. Он не смог бы проявить к мертвым больше неуважения, чем они уже вынесли, иссушаемые до костей загрязненным светиллом.

Вторым, что он забрал, был талисман с шеи воина. Простое ожерелье из дешевой бронзы с именем воина, обозначением отделения и символом ордена, написанными колхидской клинописью. Редкий знак - подобное чаще встречалось среди низших солдат Имперской Армии, идентификационные жетоны которых были необходимы для подсчета потерь. Как будто кто-то стал бы считать жалкие человеческие трупы на войне, которую ведут Легионы.

Кауртал обмотал безделушку вокруг запястья и направился на запад, оставив первое кладбище позади.

Спустя три дня он достиг Дейнхолда.

Город лежал в пыли - в небе виднелись обрушенные башни и мертвые шпили, улицы были изодраны следами танковых гусениц. В павших районах города встречались глубокие рубцы-разломы, оставшиеся после орбитальной бомбардировки, когда огонь лэнсов прошелся по жилым центрам и расправился с городом еще до того, как тот осознал, что его атакуют.

Кауртал сражался здесь сразу после высадки. Он пробивался по пылающему городу, бросаясь на стены

щитов Ультрадесанта или отстреливаясь из-за баррикад, наваленных из упавших камней и изуродованных тел. В перестрелках на бегу отсутствовала порождающая клаустрофобию теснота, столь вездесущая и чрезмерная в подземном мире. В тот день болтеры стреляли без эха от окружающих скал.

Как же славно было сражаться свободно. Он даже летал, расправив крылья и паря над охваченными битвой улицами, по возможности обстреливая беспомощных воинов внизу.

Однако то было тогда, а это было сейчас.

Кауртал рискнул зайти в город, продвигаясь по безмолвным улицам и обходя разбитые танки с обрушенными зданиями. Шпили продолжали выситься с сокрушенным величием, их взорванные стены были открыты свету губительного неба. Тела превратились в лишенные кожи и мышц кости, многие лежали на рокритовой дороге, протягивая руки к неработающим лазганам и пулевым винтовкам.

Еще больше погибло безоружными, в одиночестве или сбившись в кучу. Часть останков была разбросана по улицам и площадям, другие сидели по углам или прятались в укрытиях.

Возможно, инстинкт заставил их бежать и суетиться в последние мгновения. Быть может, они умерли, когда с небес пошел огненный дождь или когда союзники Магистра Войны приструнили Калт болтером и клинком.

Спустя считанные минуты после того, как воин вошел в город, он обнаружил первых Несущих Слово.

Кауртал с глухим стуком приземлился, расколов рокрит подошвами при ударе, и прижал крылья к спине. Проспект представлял собой сцену из какого-то пророческого наброска мифического ада из времен до Объединения. Превратившиеся в скелеты внутри доспехов Ультрадесантники и Несущие Слово были пронзены копьями и строили баррикады из собственных тел.

Он шел среди мертвецов, деликатно проводя пальцами по расколотому керамиту. От одного Ультрадесантника остались только прах и фрагменты брони под гусеницами «Разящего клинка». Из-под мертвого танка тянулась одинокая рука, единственное свидетельство того, что там погиб воин. Одному из Несущих Слово трижды пронзили грудь, пригвоздив к каменной стене жилого шпиля. Четыре сотни мертвых воинов и кости военных рабов у их ног.

Над всем пейзажем висел низкий гул, от которого у Кауртала занули зубы. Некоторые из доспехов мертвых космодесантников продолжали работать даже спустя столько времени, гудя в лад спинным силовым установкам.

Один из трупов привлек к себе взгляд Кауртала. Воин приблизился с уверенной осторожностью, словно медиум, готовящийся вступить в контакт с неуспокоенными. Броню убитого Несущего Слово украшали золотые руны – божественные знаки на кроваво-красном фоне, символы Начертанных. Кауртал хорошо знал этот орден.

- Здравствуй, Джирваш, - обратился он к пронзенному капитану.

Джирваш не ответил. Вообще не пошевелился.

Кауртал потянулся к шлему брата и расстегнул замки на воротах мертвого воина. Шлем поддался со змеиным шипением выходящего сжатого воздуха, и перед глазами Кауртала оказался обтянутый высохшей кожей череп, некогда бывший лицом Джирваша. Запах разложения, наконец-то получивший свободу, был настолько сильной газообразной гнилью, что у Кауртала защипало глаза. Будучи ребенком,

он видел на улицах Города Серых Цветов, как яйца кровавых мух лопаются в брюхе мертвой собаки. Запах был точно таким же. Кауртал эволюционировал за пределы отвращения, но не избавился от укусов горьких воспоминаний.

- Ты скверно умер, Джирваш, - интонация не допускала вопроса. - Но разве так не со всеми...

Череп таращился в ответ, в его пустых глазницах не было ни узнавания, ни согласия. Просто отверстия, демонстрирующие отсутствие жизни и личности.

Кауртал уронил шлем на дорогу и потянулся за изукрашенным кинжалом, висевшим в ножнах на бедре мертвого воина. Ржавый клинок тоже покрывали божественные руны. Еще одно напоминание. Еще один орден, который надлежит помнить.

Он отвернулся, распростер крылья и напряг мышцы, чтобы рвануться в небо.

- *Кауртал*, - произнес труп позади него.

За год до Калта, в один из дней после Исствана V, Кауртала вызвали на «Фиделитас Лекс». Он ожидал, что придется докладывать о потерях Извивающейся Руны на смертных полях, или же, возможно, инструктажа по набору новобранцев, чтобы смягчить жестокие потери, понесенные в сражении с Гвардией Ворона.

Разумеется, он ошибался. На самом деле его звали на смерть.

Об Аргеле Тале, Алом Владыке, уже шептались по всему флоту. Он и его люди - так называемые Благословенные Сыны - явили истину своих божественных тел. Они были отмечены прикосновением богов и ныне являлись уже не людьми или легионерами, а священным союзом плоти и духа. Если выражаться совсем примитивно - одержимыми. Если смотреть иначе, то вознесенными.

Алый Владыка ожидал в погребальных залах на борту «Лекса», наблюдая, как сервиторы возводят бронзовые и мраморные статуи убитых в недавнем побоище.

Аргел Тал был облачен в красный керамит, еще не принятый остальным Легионом. Вскоре этому предстояло измениться, поскольку все легионеры надели броню алого цвета артериальной крови перед предательством на Калте. Лицо воина было смугло-коричневатым, как и у всех Несущих Слово, рожденных в пустыне, а в глазах читалась сдерживаемая эмоция - нечто среднее между неразделенной болью и невыпущенной злобой. Он говорил мягко и спокойно, но казалось, что и то, и другое требует от него усилия.

- Сержант, - поприветствовал Аргел Тал. Теперь он говорил двумя голосами: мягким собственным и басовитым гулом *существа* внутри него.

Кауртал не знал, какое звание Аргел Тал носит после Преображения, и так и сказал. На губах другого воина появилась скупая, натянутая улыбка.

- Гал Ворбак, - ответил Аргел Тал. - Пока что.

Вскоре Алому Владыке предстояло создать Вакра Джал - Орден Освященного Железа - но тогда Кауртал об этом понятия не имел. А если бы и знал, это все равно не вызвало бы у него подозрений. Не так скоро после исстванской победы.

Аргел Тал больше ничего не сказал. Он смотрел, как сервиторы устанавливают статую стройной молодой женщины в струящемся платье.

- Так, стало быть, это правда, - отважился Кауртал. - Благословенная Леди пала.

- Пасть могут воины, - Аргел Тал обернулся к Каурталу, и его слова подчеркнуло движение удлиняющихся зубов. - Ее убили.

- Дурное предзнаменование, - тихо заметил Кауртал.

- Не стану спорить, - отозвался воин. Они на несколько секунд погрузились в товарищеское молчание, наблюдая за работой сервиторов.

- Зачем меня вызвали? - спросил Кауртал. - Я навлек неудовольствие лорда Аврелиана?

- Вовсе нет. Он хочет предложить тебе дар.

В голосе Гал Ворбак было нечто такое, от чего у Кауртала по коже поползли мурашки.

- Дар, - повторил он со сдержанной безучастностью.

- У тебя есть выбор, - Алый Владыка либо не чувствовал тревоги брата, либо предпочел проигнорировать ее. - Лоргар велел мне увеличить численность Гал Ворбак. Ему нужно больше Благословенных Сынов как для штурмовых сил на Калте, так и для флотов, которым поручено рассеяться по Ультрамару.

У Кауртала перехватило дыхание.

- Вы можете это сделать? Переплести плоть и дух по собственной воле?

- Примарх попросил, и я повинуюсь.

Судить задним числом - коварное благо. Слишком часто то, что *могло случиться*, в равной мере заманчиво и бесполезно. В тот миг в сознании Кауртала пронеслась сотня вопросов: о крови и боли, о телесном кошмаре разделения собственной плоти с чужеродной сущностью.

И Аргел Тал ответил бы честно, поскольку не был лжецом. Он рассказал бы об изменениях, о выворачивании костей, о кипении крови и о безумии, когда два голоса делят место внутри одного разума.

Однако Кауртал ни о чем не спросил. Стремительно бьющееся сердце не допускало ничего, кроме неистового прилива соблазна.

- А в чем мой выбор?

Аргел Тал кивнул, уже зная, чем все закончится.

- Ты можешь полностью воздерживаться от приема пищи и вырезать на своей плоти священные знаки, - сказал он Каурталу, - очищая свое смертное тело для грядущего союза. И если затем услышишь зов Нерожденных из-за пелены, можешь придти ко мне. Если переживешь ритуал, я дам тебе вкусить моей крови для начала слияния и поведу в новую жизнь как одного из Гал Ворбак. Нерожденные никогда не откажутся от столь верного носителя.

Голод. Очищение. Транс, видения и шрамы.

Он не боялся испытаний, поскольку не ведал страха. И все же уродование собственной плоти вызвало у него колебание. А если он не справится с подношением? Если не сможет в полной мере восстановиться? Вдруг потребуются обширная бионика, просто чтобы стоять и сражаться рядом с братьями в будущем?

- Вы упоминали о выборе, - вновь напомнил Кауртал.

- Так и есть. Как я только что объяснил, ты можешь пройти необходимое очищение. Или же можешь отважиться на более примитивное и резкое подношение и молиться, чтобы Нерожденные сочли тебя достойным союза. Так этот дар приняли первые из нас, хотя тогда мы не понимали, что предлагаем.

- Что если я выберу быстрый путь? - спросил Кауртал.

- Это более опасно. Успех вероятнее, однако неудача влечет за собой смерть.

- Но если я его выберу?

Аргел Тал подыскал верные слова.

- У каждого из нас это было по-своему. Некоторые видели лишь черноту, другие видели наше прошлое, а некоторые, как Ксафен... - Аргел Тал указал на изваяние, которое водружали на постамент. - Ксафен видел будущее. Видел то, что может произойти, если будущее будет следовать по одному из многих тысяч возможных путей.

Каурталу не потребовалось времени на подготовку ответа.

- Я пройду тем же путем, что и вы, мой повелитель.

Его нетерпение не вызвало у Аргела Тала улыбку. Опять же, если оглянуться назад, это ничего не значило.

- В таком случае, когда мы окажемся в варпе, я выведу тебя в специально незащищенную часть корабля, из-под сумрачной опеки поля Геллера. Ты предложишь то же, что и я, и сделаешь то же самое.

- Что я должен предложить? Что должен сделать?

Аргел Тал извлек золотой меч, явно сделанный на Терре для Легионес Кустодес. В руках Несущего Слово клинок не должен был полыхнуть и ожить, однако именно это и произошло. По похищенной стали побежала рябь змеек-молний.

- Ты должен предложить свою жизнь, Джерудай, - Аргел Тал приставил острие клинка к горлу брата. - Ты должен умереть.

Кауртал вздрогнул, услышав голос трупа, однако Джирваш стоял неподвижно и безжизненно, сгорбившийся у стены и пригвожденный копьями, которыми был пронзен. Солонцеватый ветер гремел о броню мертвеца стремительно летящей мелкой галькой.

- Джирваш, - произнес Кауртал. Он не боялся. В голосе не было беспокойства. Нет, никакого. Совсем никакого. Обитающий в крови демон не в силах это изменить.

Конечно.

Он с угрожающим участием поскреб ребристыми костяными выростами по боку черепа.

- Джирваш, - повторил Несущий Слово.

Ничего. Просто очередной призрак Калта. Бескожая голова Джирваша наклонилась и упала, ударившись о рокритовую дорогу.

Если это являлось знамением, Кауртал совершенно не представлял, что оно должно было означать. С Несущими Слово на этом проклятом мире едва ли могло случиться что-то более худшее. Никогда еще всеподавляющая молниеносная победа не соседствовала так тесно с затянувшимся мучительным поражением.

Неподалеку раздалось более громкое гудение силовой брони. На краю зрения заплесала тень. Кауртал снова обернулся, чувствуя, как пальцы удлинняются и становятся тверже, а кожа слезает с кривых когтей. Человеческая реакция на тревогу проявлялась в ускоренном сердцебиении и выделении пота от страха, но тело отреагировало, создавая оружие из плоти и переводя его в божественно-убийственную форму. Кости скрипели и вытягивались. Плоть рвалась и преображалась. Это было не мучительно, однако не лишено болезненности.

Он уставился на заброшенный проспект. Чувства обострились и стали чуткими, словно у зверя. Тела лежали так же, как и раньше, а здания стояли безмолвно, будто вбитые в грязь надгробия километровой высоты.

Кауртал, - раздался голос внутри. От неожиданности губы растянулись, обнажив зубы, и воин впервые за несколько месяцев почувствовал, как демон шевелится внутри. Это было медленное ощущение, как будто нечто раздутое двигалось в иле на дне озера. Кровь стала гуще, а костяные выросты, торчащие из брони, отозвались симпатической болью. Он ощущал, как сущность внутри шарит своими чувствами, вытягивая усики сознания и лениво сплетая их обратно.

Мы больше не в пещерах? Это была не совсем речь. Мысли демона формировались в черепе Кауртала лишь немногим медленнее его собственного внутреннего монолога. «Разговор» с существом внутри был прост и трудноуловим - плавная передача образов и понятий по первому же желанию.

Ты спал больше трех месяцев, - отправил Кауртал ответный импульс. - *Это поверхность.*

Раны вынудили меня умолкнуть в оцепенении.

Была ли в мыслях демона грань оправдания? Кауртал был вполне уверен в этом.

Синий ткач варпа мертв?

Воин вспомнил битву. Бывает боль, которая вползает в разум и остается там так же прочно, как щепка под ногтем. Ощущение того, как колдовская молния рвет саму душу, было именно таким.

Боль стала... откровением. Он смутно помнил, как смеялся и усваивал урок, пусть даже сознание грозило утонуть в милосердном сером тумане. Пусть даже кровь закипела в венах, а вторая душа рухнула в недостижимую тьму.

Библиарий мертв, - передал в ответ Кауртал. - *Уже три месяца в могиле, сражен моей рукой. Я бросил Подземную Войну.*

Я голоден.

На поверхности нет крови.

Демон потянулся внутри тела Кауртала, заполняя кости до самых кончиков пальцев рук и ног. От мышечных спазмов пальцы затрепетали, а левое веко начало подергиваться.

Но я голоден, – снова произнес демон. Кауртал лязгнул зубами, когда разумная боль просочилась по челюстной кости.

– Я голоден, – снова повторил демон, на сей раз устами Несущего Слово.

Кауртал подавил дрожь, а затем усмирил и самого симбионта. Это потребовало сосредоточения, но концентрация не позволила демону предъявлять какие-либо притязания на материальное тело.

Каурталу всегда лучше всего помогали математические уравнения. Некоторые из Гал Ворбак молились или же просто отдавались обитающим внутри кожи демонам, позволяя Нерожденным забирать их по собственной воле, однако Кауртал всегда подавлял священного паразита, повторяя длинные, запутанные вычисления. Их перечисление и решение занимало разум, освобождая мысли от страстей существа.

Наши крылья болят, Джерудай.

Они атрофировались. Мы слишком долго пробыли во мраке.

Я голоден.

Хватит. У нас есть долг.

Демон скользнул по венам. Кауртал почувствовал, как тот туго обвивается вокруг позвоночника и облизывает нити нервов по ту сторону глазных яблок.

Что за долг?

Кауртал отвернулся от безголового трупа павшего брата и двинулся прочь по городским руинам.

Долг заставить Легион помнить о нас. Я собираю реликвии всех орденов, которые по...

Неудовольствие демона отозвалось импульсом боли в скрученных жгутах внутренностей Кауртала.

Легионы, гордость, память и братство. Человеческие заботы. Человеческие обязанности. Давай охотиться, питаться и...

Нет.

Он прервал демона с такой же мягкостью и силой, как Нерожденный перед этим перебил его. Рот Кауртала представлял собой изуродованную мешанину керамики и костяных зубов. Он сплюнул кровь на дорогу.

Нет. Для меня это важно.

Руку сбоку рассекли щели. Четыре новых глаза, желтые, как у рептилии, открылись и глянули на мертвый город. Они повернулись в глазницах из керамики и мышц, а затем закрылись и затянулись. Кауртал почувствовал, что еще несколько открывается на лопатках, а еще один – на колене. Они тоже повернулись, уставились, а затем срослись с тягучим и влажным перешептыванием.

В грудной клетке что-то пошевелилось. Еще что-то двигалось в кишках. Он ощутил отвращение демона.

Ты насквозь изъеден раковыми опухолями. Эти черные плоды висят внутри тебя, отравляя тело

болезнью. Без меня ты бы умер, Джерудай. Это паломничество на поверхность прикончит тебя.

Солнце до сих пор ядовито, – передал он в ответ.

Я это вижу лучше тебя, хозяин.

Демон что-то сделал внутри груди. Последовало шершавое ощущение густого сока, текущего по внутренностям.

Я могу раздавить эти черные плоды, вырвать их из колыбели плоти и костей и растворить в крови. Будет больно.

Всегда больно.

Помолчи. Дай мне спасти нас от глупости человеческой гордыни.

Кауртал успел сделать три шага, прежде чем в глазах поплыло, и он упал на колени. Данные Легионом органы чувств компенсировали любое головокружение с момента имплантации в смутно сохранившемся в памяти детстве, и дезориентация оказалась незнакомой и неприятной. Воин рухнул на четвереньки, одурманенный, словно пьяница, а что-то змееподобное скользнуло за глазами и начало вгрызаться в плоть разума.

Твой мозг налит гнилью. Чудо, что ты не ослеп.

Кауртал почувствовал, как клыки сжимаются, нарушая безмолвие улицы фарфоровым визгом. Один из когтей сломался о рокрит, но из кровоточащего пальца высунулся недоразвитый новый. Слева, в полуметре от когтистой руки, мертвый Несущий Слово уставился на Кауртала глазами линзами цвета свежего инея.

- Брат, – поприветствовал он труп, ощущая нездоровое желание рассмеяться. Доспех был слишком поврежден болтерами, чтобы остались хоть какие-то намеки на принадлежность к ордену. Значение имели только вырезанные на керамике божественные руны. По крайней мере Кауртал запомнит их и донесет Легиону. В качестве доказательства у него был нож Джирваша.

Мертвый воин посмотрел на него бледными, словно лед, линзами глаз.

- *Кауртал*, – произнес он. Голос был самым солонцеватым ветром, он складывался из перешептываний и стука пыли о броню. - *Ты бросил нас.*

Он предпочел быстрый путь, подозревая, что такой выбор наверняка бы сделал всякий Несущий Слово, кому предложили бы столь редкий дар. Каким же лишенным веры трусом надо было быть, чтобы сомневаться перед лицом возможности слиться с Божественным? Он хотел получить такое же благословение, как и Гал Ворбак, а не проводить месяцы в терпеливой молитве.

- *Давайте*, – заявил он Аргелу Талу и даже запрокинул голову, подставляя горло.

Однако Алый Владыка убрал клинок в ножны и вновь перевел взгляд на поднимаемые статуи.

- *Завтра*, – произнес воин своим странным двойным голосом. - *возвращайся на свой корабль, Джерудай. Подумай над моим предложением, и если захочешь завтра умереть, то я лично убью тебя.*

Кауртал исполнил приказ. Оказавшись на борту «Траурной песни», флагмана ордена Извивающейся Руны, он избегал своего отделения и отказался советоваться с кем-либо из братьев. К нему приходил капеллан, который спрашивал разрешения войти в покои для медитации, однако Кауртал отослал воина-жреца, попросив оставить его в одиночестве.

На следующую ночь он совершил телепортацию обратно на «Фиделитас Лекс». Пока оба корабля пребывали на милости волн варпа, подобное перемещение было опасно, однако использование незащищенного десантно-штурмового корабля стало бы бесполезным самоубийством.

Когда визжащая и змеящаяся дымка телепортации рассеялась, Аргел Тал уже ждал. Закутанные в рясы рабы пели и молились, а по краям помещения трудились сервиторы, которые бормотали и регулировали рукоятки архаичных машин с часовым механизмом.

На сей раз Аргел Тал был в шлеме. Кауртал отреагировал на присутствие своего повелителя салютом, приложив кулак к сердцу, хотя и казалось, что они переросли столь обычные формы обращения.

- Вы знали, что я приду, - произнес он.

В ответ Аргел Тал только обнажил меч и зашагал прочь.

Кауртал последовал за ним.

Он вскочил на ноги, широко раскинув крылья и сжимая в руке массивный трофейный болтер. Фигурное дуло целилось в мертвое тело, запрещая трупу двигаться, говорить или подавать любые признаки жизни, которой тот не должен был обладать.

Нерхулум, - безмолвно обратился он внутрь себя.

Я же велел молчать. Думаешь, легко заново сплести смертную материю? Твоя плоть ослаблена солнцем, и ее воссоздание вызывает у тебя внутреннее кровотечение. Дай мне поработать, чтобы спасти нас, Джерудай.

Несущий Слово стоял посреди улицы, тяжело дыша. Оба его сердца сильно бились.

Ты этого не слышал? - практически выкрикнул он.

Я слышу текущий шепот твоих напрягающихся органов, пораженных раком. Слышу твою награду за то, что ты бросил Легион.

Тут есть что-то живое. Он продолжал целиться из болтера вниз.

Тут нет ничего живого. Опухоли, которыми изъеден твой череп, давят на мозг и играют с сознанием. Не более того.

Это звучало правильно. Верно.

И все же казалось ложью.

После пробуждения демона он стал сильнее. Чувства обострились, они дотягивались дальше. Ни на улице, ни в пустых окнах разбитых жилых шпилей ничего не двигалось. Кауртал чувал угольный смрад коррозии гниющих танков и запах корицы, исходящий от посмертного мускуса давно разложившихся

тел. Запах убитого города.

Мертвые мертвы. Они не говорили. Не обвиняли в том, что ты бросил братьев и нарушил свой долг.

Кауртал выстрелил, и шлем разлетелся взрывом осколков и кусков кости.

Мелко, – раздался голос демона. Пусть это слово и не прозвучало, но для разума Несущего Слово оно точнее всего воплощало утомленное порицание демона.

Какое-то мгновение он стоял на дороге, глядя на привязанные к доспеху безделушки и реликвии. Напоминания о павших орденах, оставшиеся после горькой победы и теперь чахнувшие, забытые XVII Легионом.

Кто-то должен был это сделать. Кто-то должен был заставить помнить о павших. Восемь лет назад он стоял на одном из кладбищ флагмана вместе с самим Аргелом Талом и видел, как мертвых воинов увековечивают в мраморе и бронзе. Убитых на Исстване, чью жертву помнили и чтили. Где справедливость по отношению к убитым на Калте?

Он предстанет перед Лоргаром и бросит к ногам примарха реликвии погибших орденов. Все прочее не имело значения.

Вскоре после того как Кауртал оставил Джирваша позади, он наткнулся на остов мертвого титана. Говорили, что жрецы Механикума создавали свои боевые человекоподобные машины по образу Бога-Машины – такие же тотемы, как теистические аватары из времен до Старой Ночи – однако «Разбойник» выглядел куда менее величественно в своем жутковатом покое. Мертвая машина лежала в пыли, распростершись на перепаханной земле и полностью утратив связь с родом своих хозяев.

Нетрудно было разглядеть смертельную рану. Лобовая панель «Разбойника», словно рытвинами угрей, была покрыта воронками и трещинами от прошедших насквозь ракет. Скорее всего, командный экипаж не мучился перед смертью. Вспышка пламени, выжженная кабина – и они умерли еще до того, как титан ударился о землю.

Кауртал приземлился на плечо машины, глубоко всадив в изъеденную коррозией броню когти на сапогах. Оттуда открывался хороший обзор на уничтоженную площадь.

Ржавчина глубоко вгрызлась в броню титана, и стало сложно определить его изначальную принадлежность. Земля вокруг павшей громадины была устлана мертвыми воинами из обоих Легионов, но на проспекте к востоку обвалился жилой шпиль, который покрыл землю полуметровым слоем пыли с обломками и присыпал мертвых пеплом.

Беспорядочно расположенные насыпи отмечали места последнего упокоения бесчисленных воинов. Это было ближайшим подобием кладбища из всего, что когда-либо ожидало мертвецов на поверхности Калта.

Нерхулум хранил молчание, предположительно вырезая отравленную плоть из тела Несущего Слово.

Кауртал спрыгнул вниз и зашагал среди грязи и обломков. Его красный доспех до пояса стал серым от пыли, поднимаемой при ходьбе. Первым телом, которое он вытащил из пыльного могильника, оказался Ультрадесантник в кобальтово-синем облачении, и Кауртал уронил труп обратно в сухую грязь. Закружились пыльные вихри, протестующие против непочтительного обращения с павшим.

Второй тоже был Ультрадесантником. Как и третий.

Воин нашел Несущего Слово, однако рука трупа с треском отделилась от плеча при попытке поднять останки. Смахнув пыль, Кауртал обнажил тусклый, посеревший красный керамит, который искал, а также эмблему на нагруднике – казавшееся бледным на темном фоне лицо, которому придали форму печальной маскарадной личины. Орден Железного Занавеса.

Кауртал потянулся к краям маски, готовясь оторвать костяной символ от брони. Несущий Слово с глухим стуком уперся в труп сапогом и потянул.

- *Кауртал*, - сдавленно произнесло наполовину погребенное тело, словно человек, давящийся пеплом.

Воин выпустил нагрудник, но мертвый Несущий Слово продолжил подниматься. Пыль с шипением сползала с керамики старого доспеха. Кауртал попятился, его когти удлинились, а между деформированных зубов повисли нити едкой слюны. Отступая, он натолкнулся на что-то холодное, пыльное и столь же мертвое.

- *Кауртал*, - проскрипело существо позади него. - *Ты бросил Легион.*

Вначале был свет – такой сильный и яркий, что жег, словно кислота. Это был свет в своем наивысшем проявлении, апофеоз понятия свечения, слишком яркий для смертного понимания.

В растворяющем жжении непостижимого сияния у него осталась лишь одна мысль – это смерть.

Наконец свет дал просочиться иному ощущению. Кауртал услышал грохот волн и крики. Крики мужчин, женщин и чудовищ, тонущих и пылающих в океане того же белого пламени, которое грозило поглотить его самого.

Трескучий удар вернул его обратно в комнату. На стенах с неравными промежутками располагались защитные руны и их более частые противоположности – символами призыва – многие из которых накладывались на своих братьев. Некоторые были отлиты из меди, другие представляли собой лишь глифы, вырезанные ножом на темном железе опорных колонн. Кауртал потянулся к клинку, пронзившему грудь. Пальцы сомкнулись на металле, но он не смог вытащить оружие.

Кауртал зашатался, его взгляд вновь начал блуждать по комнате. Она была наполнена бормочущими людьми-жрецами и скованными астропатами, которые подергивались в заполненных жидкостью саркофагах, вынужденные проводить жизнь в бесконечной дреме, чтобы другие могли пожинать плоды их вечных снов.

Человеческая душа была свечой в бескрайнем океане варпа. Душа псайкера – пожаром, равно опасным и манящим для Нерожденных. Его можно было обуздать. Нет, не то слово, правда? Не обуздать, даже не направить.

Нет, его можно было *сделать оружием.*

Каурталу никогда не рассказывали об этом. Никто о подобном не говорил, и он чувствовал, что его понимание несовершенно – и все же, как только воин открыл глаза и увидел лязгающие, скрежещущие капсулы с их плененным содержимым, то в тот же миг узнал все.

Узнал, потому что...

...потому что в его голове находилось Нечто Иное, чьи мысли сливались с его собственными. Из ниоткуда, все так же неожиданно, словно удар ледяного копья, пришло знание о вкусе души, бьющейся между зубов, и о том, что ужас лишь добавляет аромату пряности.

Нерхулум, - произнесло Нечто Иное в его сознании. - *Ты - слабый носитель, но мы поглядим, чем кончится эта игра.*

При попытке заговорить изо рта Кауртала хлынул поток крови. Аргел Тал аккуратным рывком выдернул у него из груди меч, позволив силовому полю клинка кустодия с шипением испарить кровь, запятнавшую металл.

«Это моя кровь», - подумал Кауртал, глядя, как она выгорает в дым. Воин рухнул на колени, снова оказавшись на палубе «Фиделитас Лекс», но каким-то образом продолжая находиться в окружении грохота волн и визга душ.

Он почувствовал, как кожа свободно сползает со звуком рвущейся шкуры. Кости затрещали, раскололись и начали проталкиваться все выше, выше и выше по его телу.

Его вопль слился с прочими криками, и сержант Джерудай Кауртал из ордена Извивающейся Руны умер на палубе флагмана своего примарха.

Мертвые окружали его, нетвердо шагая ногами с подгибающимися коленями и кашляя пылью из респираторных решеток шлемов. У большинства не было никакого оружия, хотя некоторые еще держали ржавые клинки, руководствуясь стойким инстинктом мышечной памяти.

Теперь это невозможно было отрицать. Нельзя было утверждать, будто это галлюцинация из-за внутричерепного давления или дезориентация вследствие облучения. Из грязи продолжали подниматься все новые мертвецы - ни одного Ультрадесантника, только воины в красном. Его собственные братья.

- *Кауртал*, - хрипели они. Сухие голоса трещали в воксе. - *Ты бросил Легион.*

Даже мертвецы обвиняли его. Он ответил им встречным упреком, проклиная, исходя пеной и плюясь. Едкая слюна брызгала из клыкастой пасти.

- *Легион бросил нас!* Я заставлю их помнить о павших!

Первый труп носил капитанский гребень. Там, где некогда сияли чистые синие линзы глаз, теперь яростно тарасились дыры.

- *Смерть избавит тебя от заблуждения*, - выдохнул призрак.

- *И от жалости к самому себе*, - прохрипел другой.

- *Ты бежишь от долга*, - капитан ткнул в него трясущейся, гремящей рукой. - *Бежишь от того, чего просил Легион.*

- *И называешь это отвагой*, - подковылял еще один труп, голова которого была неестественно наклонена на сломанной шее. - *Бежишь, но называешь это отвагой.*

- *Ты прячешься, но зовешь это доблестью.*

- Ты предаешь, но зовешь это справедливостью.

Кауртал заревел на приближающихся восставших мертвецов. С его зубов и черной змеи, ранее бывшей языком, снова полетела слюна. Теперь, когда Нерхулум пробудился, Преображение должно было произойти легче, безупречно переводя тело в божественную форму. И все же он чувствовал, как вялость демона мешает мускулам, а жжение молочной кислоты сопротивляется каждому усилию.

Перестань со мной бороться, – передал он внутрь в приступе паники. Крылья тщетно бились, кости двигались и скользили под кожей.

Ты – слабый носитель.

Голос Нерхулума был таким же резким и неприятным, как боль в напряженных мышцах.

А теперь мы увидим, чем закончится игра.

Первый из мертвых Несущих Слово неуклюже рванулся к его горлу, ломая изъеденные коррозией пальцы о бронированный ворот. В ответ Кауртал убил тварь, повергнув ее наземь костяной лапой и раздавив шлем сапогом.

Они вышагивали по грязи. Некоторые спотыкались, другие пытались перейти с нетвердой походки на нечто, напоминающее бег. Болтер Кауртала гремел и дергался, вгоняя разрывные заряды в ближайших противников. Несущие Слово взрывались и распадались на части. Они падали в пыль и называли его предателем, даже когда оседали иссушенными останками. Это ничего не меняло. Руки поднимались над землей, оставляя за собой пыльный след и вцепляясь в сапоги и поножи. Из-под скребущих пальцев летели искры. Мертвецы надвигались задыхающейся, судорожно хватающей воздух волной.

Кауртал развернулся, пробежал три шага, чтобы пробить плечом дорогу через заслоняющие проход останки, и рванулся в небо, вновь взревев. На сей раз это было опасно похоже на крик о помощи.

Кауртал рухнул обратно в грязь, жестко врезавшись в обломки, покрывающие землю. Шлем ударился о рокрит, окрасив его красным, а холодное острие металлической арматуры пробило ворот, заставив Кауртала давиться ржавым металлом и хватать воздух, которого не было.

Пронзившее гортань железо лишало его возможности позорно закричать. Единственным звуком, который он издавал, было булькающее мычание. Кауртал дергал головой назад, силясь стянуть себя с остря.

Спустя секунду крылья полыхнули огнем, когда до нервной системы дошла причина его падения с неба. Один из мертвых воинов начисто снес со спины одно из крыльев. Кауртал слышал, как работающий силовой меч жужжит, словно насекомое.

Он не знал страха. Не знал страха. Не знал страха.

- Подожди, – прорычал он горлом, в котором пузырилась кровь. Скрежет железа по кости при вытягивании себя на свободу казался еще хуже, чем шлепок удара при падении. *- Подожди.*

Такой слабый носитель, – снова произнес демон. *- Обреченный на предательство. Твоя решимость дрогнула бы. Я должен быть сильным за нас обоих?*

Нерхул...

И в этот миг его каким-то образом поглотили внутри собственного сознания. Это казалось своего рода сжатием, замыканием.

Ты предаешь братьев, а теперь собираешься просить меня о помощи? Ты скорее личинка, чем человек, Джерудай Кауртал из Семнадцатого. Не воин, а червь. Я не желаю быть связан внутри столь слабого тела.

Кауртал закричал безо рта и завопил без голоса. Он еще пытался издать крик, когда ходячие мертвецы сжали ржавые пальцы на броне и утянули его в черноту.

Джерудай Кауртал так и не поднялся.

Аргел Тал находился рядом с телом почти час. Он прохаживался по изукрашенному помещению, убрав оружие в ножны и сложив руки поверх нагрудника. От его шагов по решетке пола расходилась дрожь. Сервиторы обладали слишком ограниченным разумом, чтобы обращать на него внимание, а поющие рабы чересчур погрузились в странствия по горячечным видениям, так что только несколько закутанных в рясы рабочих дернулись прочь, когда Алый Владыка бросил взгляд в их сторону. Лицо Несущего Слово не выражало ни злости, ни раздражения, однако после Исствана он замечал, что мало кто из людей в состоянии смотреть ему прямо в глаза. Они чувствовали скрытого в теле демона, который таился по ту сторону взгляда, и вторая душа питалась их страхом.

С Каурталом могло случиться то же самое. Должно было случиться.

Однако сержант Джерудай Кауртал продолжал лежать мертвым на палубе. Аргел Тал не без сожаления слегка толкнул тело сапогом.

- Он мертв, - раздался от дверей комнаты мягкий голос. Слишком мягкий, чтобы его можно было спутать с человеческим, однако слишком звучный, чтобы его можно было назвать слабым. Аргел Тал обернулся к незваному гостю и почтительно склонил голову, как только увидел красную керамитовую броню филигранной работы. - Мертв по-настоящему, иначе говоря.

- Мой повелитель, я не могу этого сделать.

Лоргар Аврелиан, примарх Несущих Слово, отечески положил руку сыну на плечо. В последний раз, когда Аргел Тал видел его умное и сдержанное лицо, татуированное золотой тушью, было покрыто брызгами крови сотен мертвых Гвардейцев Ворона. Теперь же оно было согрето терпеливой улыбкой.

- Ты ступал путями Рая и Ада, сын мой. Ты в силах сделать все, что угодно. Что тебя беспокоит?

Аргел Тал кивнул на тело убитого Кауртала.

- Они продолжают умирать, отец.

- Так этот не первый?

Неожиданно для себя Аргел Тал слабо и горестно улыбнулся.

- Нет. Тринадцатый.

- Понятно, - Лоргар присел на корточки, его черный плащ раскинулся по полу. Примарх с мягкой заботливостью закрыл Каурталу глаза. - Сколько выжило?

- Трое, - признался Аргел Тал.

- Демоны отвергают их как носителей, - предположил Лоргар, вновь поднимаясь на ноги и возвышаясь над своим сыном.

Аргел Тал снова кивнул.

- Одна лишь телесность недостаточно заманчива, чтобы они воплотились. Чтобы вступить в симбиоз, им нужны сильные носители. Умирая, Кауртал бредил, он говорил о Калте и произносил бессмысленные пророчества, пока кровь текла у него между зубов.

От этих слов Лоргар вскинул безупречную бровь, а в уголках его золотистых глаз появился блеск.

- Он видел один из многих путей будущего?

Аргел Тал мог лишь пожать плечами.

- Думаю, да. Похоже, что таким образом демоны испытывают носителей: дают бросить взгляд на еще несбывшееся будущее и смотрят на реакцию воинов.

Несколько мгновений Лоргар молчал, постукивая бронированными кончиками пальцев по книге в кожаном переплете, пристегнутой цепью к бедру. Растянутые, высушенные лица тарацились на Аргела Тала в слепом, безвольном ужасе.

- Возможно, смерть стала для сержанта Кауртала благословением. Похоже, что в будущем он мог принять некие глупые решения.

Аргел Тал набрал воздуха, чтобы ответить, и запнулся.

- Отец, - произнес он. - Я не могу этого сделать.

- Ты уже это делаешь. Дай мне трех Гал Ворбак в обмен на тринадцать мертвых, сын мой, и я буду благодарить тебя, пока сами звезды не окончат свое существование ледяными ядрами в пустоте. Мы требуем большего, чем когда-либо заставляли вынести любого легионера. Не станем плакать о слабаках, потерпевших неудачу и оставшихся на обочине.

Аргел Тал умолк, глядя на труп. Он был уверен в Кауртале.

Кауртал, у которого не было мирских и воинских амбиций, он гордился только своей доблестью. Кауртал, который расправился с бесчисленными десятками Гвардейцев Ворона на поле боя. Кауртал, который молился, стоя на коленях и бичуя свою плоть за то, что убил недостаточно много, и пел среди мертвецов в часы после Исствана. Под железом его веры, под керамитом Легиона физически ощущалась человечность. Не в отношении человеческой души или способности к милосердию - Кауртал оставил подобные слабости далеко позади. Просто в его сердце присутствовала частица человеческой природы, и Аргел Тал надеялся, что Нерожденных привлечет симбиоз с таким духом. Жестокий воитель, никогда не знавший поражения, обладающий уязвимой душой. Какая пища лучше для детей богов?

- Хотел бы я знать, что он видел, - задумчиво произнес Лоргар.

- Один из выживших видел Калт - войну в туннелях под поверхностью. Другой видел ночь, когда Император подверг нас наказанию. Еще один утверждает, что вообще ничего не видел, и я позволил ему эту безобидную ложь, приняв во внимание, что я заставил его вытерпеть.

Лоргар усмехнулся.

- Думаю, все они узрят то, что видит каждый пророк - обман и метафоры, надежды и обещания, пронизанные призраками истины. Такова природа всех пророчеств.

Аргел Тал не смог возразить. Он махнул группе работников в рясах.

- Пусть подъемные сервиторы уберут это тело, или утащите его сами, если хватит сил, - оба его голоса звучали в диссонирующей гармонии, почти сливаясь, но никогда не становясь единым целым. - Отнесите его в аптекарион, чтобы вынуть геносемя, а остальное сожгите.

Те приблизились, не поднимая глаз - кланяясь, шаркая и бормоча поток почтительных нашептываний в сторону Лоргара.

- Не ищи среди наших лучших воинов, - произнес Лоргар, когда рабы удалились, волоча труп между собой. - Вот что ты делаешь не так.

Сбитый с толку словами, Аргел Тал поднял взгляд на отца.

- Я не понимаю.

- Сын мой, мне нужно две тысячи таких воинов с душами демонов. Две тысячи до того, как мы достигнем Калта через год.

Две тысячи. Две тысячи.

Аргел Тал приоткрыл рот.

- Лорд Аврелиан, я не могу...

- *Можешь*, - взгляд Лоргара был тверд словно камень. - Я не хочу бросать на Калт наших лучших воинов. Нам понадобятся самые сильные и лучшие ордены, чтобы проложить себе дорогу по остальной части Ультрамара. Не используй для этой игры нашу лучшую кровь, Аргел Тал. Используй тех, кто ненавидит Ультрадесант до неуравновешенности, до потери здравого смысла и рассудка. Пусть демоны приходят, привлеченные ненавистью в сердцах разгневанных. Эмоции влекут их так же сильно, как преданность. Помни об этом.

- Почти половина Легиона до сих пор молится об уничтожении Тринадцатого, мой повелитель.

- Именно, - кивнул Лоргар. - Воспользуйся этим чувством. Используй их. Мы сможем усовершенствовать процесс позже, до того, как растратим души наших лучших воителей.

В сознании Аргела Тала забрезжило понимание.

- Вам не нужны воины, которые не ведают страха. Вам нужны воины, которые не ведают прощения.

- Превосходно сказано, - наконец улыбнулся Лоргар, - и верно до последнего слова.

Примарх повернулся, чтобы уйти, но задержался. По черному плащу пробежала рябь.

- Та сущность, которая сочла Кауртала неподходящим носителем. Как ее звали?

- Нерхулум, сир. Почему вы спрашиваете?

Лоргар отмахнулся от озабоченности сына.

- Потому что я слышу в песне варпа смех этого существа, а по этой комнате еще гуляют отголоски его могущества. Это интригует меня, Аргел Тал. Разделай одного из раненых в аптекарионе и помести его в оболочку дредноута. Я хочу посмотреть, не получится ли прельстить Нерхулума более могучей наживкой.

К чести Аргела Тала, ему потребовалось несколько секунд, прежде чем он сделал еще один шаг по пути к собственному проклятию.

- Будет исполнено, мой повелитель.

- Если я тебе понадобится, - примарх отвернулся прочь, - то буду на «Завоевателе» вместе с моим братом.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Подземная_Война_/_The_Underworld_War_\(рассказ\)&oldid=20605](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Подземная_Война_/_The_Underworld_War_(рассказ)&oldid=20605)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:19.